

♦ Валерий Введенский ♦

Валерий Введенский

Старосветские убийцы

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.

В24 Старосветские убийцы / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-199818-9

Осень 1829 года, Смоленская губерния. У местного помещика князя Северского свадьба! Гостеприимный дом, праздничный стол, красочный фейерверк — казалось бы, ничто не предвещает беды. Но судьба распоряжается иначе... Утром после пышного гулянья князь найден мертвым в своей постели, но в его объятиях не новобрачная, а любовница Настя! Основная версия смерти — отравление угарным газом. Добровольных «сыщиков» набирается целая усадьба: путаются под ногами, мешают каждому шагу. И больше всех — доктор из Петербурга Илья Андреевич Тоннер, у которого есть совсем иная версия произошедшего...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199818-9

© Введенский В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Князь Василий Васильевич Северский

Его домочадцы:

княгиня Анна Михайловна Северская,
мать

княгиня Елизавета Петровна Север-
ская (до замужества с Северским носила
фамилию Берг), жена

Дмитрий Александрович Карев, кузен

Антон Альбертович Глазьев, врач матери

Анастасия Романовна Петушкова, ком-
паньонка Анны Михайловны Северской

Петр Тимофеевич Петушков, управляющий
имением Северских, дядя Анастасии

Его соседи-помещики:

Осип Петрович Мухин, предводитель уездного
дворянства

княгиня Варвара Петровна Кусман-
ская

Андрей Петрович и Вера Алексеевна
Растоцкие

Мария Андреевна и Лидия Андреевна
Растоцкие, их дочери

Ольга Митрофановна Суховская
Иван Фомич Горлыбин, помещик
Павсикакий Павсикакиевич Кироси-
ров, капитан-исправник

Гости в имении Северских:

Павел Павлович Веригин, генерал-майор
Николай Щетнев, корнет, его адъютант
Корнелиус Роос, путешественник, этнограф
Федор Максимович Терлецкий, его пере-
водчик, чиновник Третьего отделения Собственной Его Импе-
раторского Величества канцелярии

Илья Андреевич Тоннер, врач
Александр Владимирович Тучин
Денис Кондратович Угаров
Анджей Шулявский
Михаил Ильич Рухнов
Пантелей Акимович Худяков, купец

Слуги в имении Северских:

Никодим, егерь
Григорий, лакей
Екатерина, горничная
Савелий, старший конюх
Лукерья, его жена
Глаша, его дочь
Дворецкий

Прочие:

Сочин, станционный смотритель
Марфа, его жена

Степан и Порфирий, земские заседатели (помощники капитан-исправника)

Павел Игнатьевич, управляющий имением Елизаветы Петровны Берг

Данила, дядька Тучина и Угарова

Кшиштоф, слуга Шулявского

Петруха, денщик генерала Веригина

отец Алексей, священник

В романе косвенно цитируются следующие произведения:

А. С. Пушкин. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Песнь о вещем Олеге», «Евгений Онегин».

А. Чужбинский. «Очерки прошлого. Город Смуров» (по книге Е. В. Лаврентьевой «Светский этикет пушкинской эпохи»).

А. А. Дмитриев. Статья в «Историческом вестнике» № 10 за 1901 г. (по книге Е. В. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия»).

ПРОЛОГ

Поверх одежды Тоннер надел длинную, до пят, рубашку наподобие ночной — из грубого холста, всю в ржавых пятнах. Затем из потертого саквояжа Илья Андреевич вытащил кожаный фартук.

— Помогите-ка завязать, — доктор нацепил на шею фартук и повернулся к Денису Угарову спиной. Пока тот крутил узел, Тоннер надел длинные, по локоть, кожаные перчатки. — Многие мои коллеги работают без них, но сие небезопасно. Ведь мертвое тело содержит токсины, которые через порезы и ссадины на руках могут попасть в организм секциониста, — обстоятельно пояснил доктор.

Потом достал из саквояжа лицевую повязку с четырьмя тесемочками, но, покрутив в руке, положил обратно:

— Труп свежий. Гниение только началось. Обойдусь!

Вскрытие решили провести на полянке в парке при естественном свете. Доктор Тоннер раскрыл несессер. Обычно путешественники берут в таких

предметы дорожного туалета, но у Ильи Андреевича он был заполнен заботливо прикрепленными к стенкам скальпелями, хирургическими крючками, пинцетами, иглами. Кроме медицинских инструментов, имелись две английских пилы, большая и маленькая, долото, молоток, пять пар ножниц различной формы и множество предметов, названий которых Денис не знал. Он старался не смотреть на прикрытое простыней тело, лежавшее на длинном кухонном столе. Боязно! Он впервые столкнулся со смертью столь близко: отец умер, когда Дениска был совсем мал, а потом Бог миловал, все родные и близкие пока живы-здоровы.

Федор Максимович Терлецкий взялся за края простыни, чтобы сдернуть, но его схватил за руку капитан-исправник Киросиров:

— Святотатства не допущу!

— Подите прочь! — рявкнул на исправника Терлецкий. Споры — вскрывать или нет — были позади, и решение принято.

Киросиров от окрика вздрогнул и, скрипя зубами, отпустил руку Терleckого, Федор Максимович откинул простыню. Угаров заставил себя посмотреть, но толком разглядеть покойницу не успел.

— Денис Кондратович, — обратился к нему Тоннер. — Начинайте записывать. Диктовать буду медленно, чтоб успевали.

Молодой человек тут же малодушно отвернулся, сделав пару шагов, уселся за маленький стол, пора-

довавшись, что может углубиться в писанину и не паяльаться на мертвеца.

— Сей судебно-медицинский протокол составлен второго дня месяца сентября одна тысяча восемьсот двадцать девятого года в усадьбе Носовка Н-ского уезда Смоленской губернии.

Далее Тоннер назвал имя, фамилию, возраст покойной, поименовал членов комиссии, причем Угарова обозначил писцом, американца Рооса — понятым, а доктора Глазьева — своим помощником.

— ...решение о вскрытии принял капитан-исправник Киросиров!

Тот аж задохнулся от подобной наглости:

— В таком случае немедленно прекратить!

Тоннер, не меняя тона, поправил:

— Вместо исправника пишите: «Чиновник Третьего отделения Терлецкий».

Денис удивился. Вот не думал, что высокий ува-лень в этакое ведомстве служит!

— Я чин не полицейский. Боюсь, требуемого распоряжения отдать не могу, — выразил опасение Федор Максимович. — Может, вызовем кого из уезда?

— Подозреваемый мною яд разлагается быстро. Пока ждем — упустим время. Так что продолжим! — Тоннер быстро осмотрел одежду покойной. — Крови, следов ожогов или ударов на ночной рубашке не обнаружено. Чтоб не возиться, с вашего позволения, я ее разрежу.

Терлецкий кивнул. Денис услышал металлический стук ножниц и треск ткани.

— За исключением синюшного цвета, ничего примечательного в кожных покровах умершей нет. Истинную причину смерти надеюсь найти в желудке, поэтому вскрывать головную и грудную полости надобности не вижу. Начну сразу с брюшной. — Илья Андреевич взял скальпель. — Антон Альбертович, — обратился он к доктору Глазьеву, — просьба к вам: поясняйте присутствующим смысл моих манипуляций.

— Постараюсь, — проямлил местный эскулап.

«Бояться надо не мертвых, бояться надо живых», — вспомнил вдруг маменькины слова Денис и, собрав волю в кулак, встал и решительно подошел к длинному столу.

Первый разрез Тоннер сделал по центральной белой полоске, хорошо заметной на животе умершей. Скальпель чиркнул от окончания грудной кости до самого лобка. Пупок доктор рассекать не стал, а обошел острием чуть левее. Угаров ожидал, что из живота хлынет кровь, но ошибся — лишь на скальпеле появилась темно-бордовая полоска. Второй разрез, горизонтальный, тоже не затронул пупок, лезвие прошло чуть ниже. Аккуратно подрезав скальпелем, Илья Андреевич отвернул лоскуты кожи по углам, оголив чревные мышцы.

— Это — брюхо, — глубокомысленно пояснил Глазьев.

Следующий, более глубокий разрез Тоннер сделал снова по белой линии: разъединив скальпелем мышцы, начал раздвигать их крючками, похожими на изогнутые вилочки.

Местный доктор отбежал в сторону, его вывернуло. Тоннер, не прекращая своих манипуляций, цинично заметил:

— Вот кстати. Рвотные массы Глазьева мы подвергнем тем же исследованиям, что и содержимое желудка покойницы. Для сравнения, так сказать.

Денис решился заглянуть внутрь чрева. По его представлениям, органы в животе висят на позвоночнике, как игрушки на рождественской елке, а между ними зияют пустоты. Но оказалось иначе. Никаких пустот! Содержимое брюха утрамбовано, словно шубы в сундуке. Как же доктор найдет тут желудок? Угаров полагал, что сей орган расположен по центру живота, однако Тоннер засунул руку под грудную клетку:

— Сейчас наложу в дюйме друг от друга две крепкие нитки на пищеприемный канал. Как бишь его по-латыни, Антон Альбертович? Не помните?

Глазьев помотал головой. Мол, плохо очень, вот память и отказывает.

— Oesophagus! — ответил сам себе Илья Андреевич. — Следующей ниткой перевяжу двенадцатиперстную кишку.

Кишки, это Денис знал точно, выводят переваренное наружу. Однако трубочка, на которую указал доктор, уходила куда-то вверх, под ребра.

Перевязав ее, доктор отсек скальпелем пищевод и двенадцатиперстную кишку, а потом, подрезав какие-то пленочки, аккуратно высвободил желудок.

— Крючки можно отпустить, а покойницу на время прикроем.

Держа в руке желудок, оказавшийся невзрачным изогнутым мешочком, Тоннер подошел к столу, где лежали бумаги.

— Переместитесь-ка с протоколом к труп, — велел он Угарову. — А здесь я устрою маленькую химическую лабораторию.

Одно дело смотреть за вскрытием через плечо, совсем другое — сесть за стол с мертвецом. Тут и опозориться, как Глазьев, недолго. Но деваться было некуда, и Денис перенес бумаги, пристроив их в ногах покойной.

Доктор же, положив желудок в фаянсовый сосуд, снова взялся за скальпель. Вскрыв «мешочек» по всей длине, Тоннер вылил его содержимое в стеклянный кувшин.

— Так-с. В другой кувшин поместим рвотные массы Глазьева и проделаем те же манипуляции, — пояснил доктор. — Антон Альбертович, — обратился он к уже оправившемуся коллеге, — отнесите-ка желудок на секционный стол. Здесь мало места, мешает.

Глазьев осторожно, держа фаянсовый сосуд на вытянутых руках и стараясь в него не заглядывать, отнес препарат на другой стол, поставив поближе к покойной хозяйке.

— Какой яд ищете? — осведомился господин из Третьего отделения.

— Самый убийственный! — ответил Тоннер. — *Acidum borussicum*, в России именуемый синильной кислотой.

— Я читал, смерть от нее мгновенна, — вспомнил Терлецкий.

— Если вдохнуть. — Доктор, отвечая на вопросы, не прекращал манипуляций. В оба кувшина добавил горячей воды, дал получившимся растворам отстояться, а затем аккуратно слил верхние, почти прозрачные слои в два винных бокала. — Но сей способ опасен для самого отравителя. Вдохнет случайно — и последует за жертвой. Поэтому травят либо раствором кислоты, либо ее солями.

— Чем чаще? — заинтересовался Терлецкий.

— Конечно, солями. Раствор слишком быстро выдыхается, после чего становится почти безвредным: ну поболит у жертвы голова, ну помучается животом — и снова жива-здорова.

— Вы так хорошо про это знаете. Неужто опыты ставили? — с подозрением спросил исправник Киросиров.

— Нет, книжки читал, — парировал Тоннер. — А вот соли синильной кислоты очень удобны. В виде порошка могут храниться сколь угодно долго. В удобный момент высыпь его в еду или питье — и через несколько минут, максимум через час, жертва мертва.

— Позвольте! — вмешался вернувшийся к ним доктор Глазьев. — Я слышал, убитые синильной кислотой пахнут горьким миндалем! А у нас такого запаха не ощущается!

— Хороший вопрос! Раньше оную кислоту добывали лишь из миндаля или родственных ему растений. Абрикос, слива, вишня — все они содержат в косточках эту отраву.

— Не может быть! Я всегда абрикосовую косточку раскалываю и ядрышко съедаю! И ни разу не умер! — пошутил Денис.

— Чтобы отравиться, надо штук двести съесть, а то и больше, — разъяснил Тоннер. — Но вернемся к запаху. Недавно открыли более простой способ получения синильной кислоты. Возьмите кровь...

— Чью? Свою? — ужаснулся капитан-исправник.

— На бойне! Там же можно рога с копытами прихватить, тоже сгодятся. Прокалите все это с поташем и железными опилками — получатся кристаллы ярко-желтого, скорее даже лимонного цвета, по-научному, желтая кровяная соль. Если кинуть их в серную кислоту — получится синильная. И никаким миндалем она не воняет!

— Почему? — спросил Терлецкий.

— Точно пока неизвестно! Предположу, что кислоту из косточек просто не умеют отделять от какого-то пахучего вещества.

Тоннер достал из несессера баночку. Выдернув плотно притертую крышку, он достал щепотку

зеленоватого порошка и разболтал в склянке с холодной водой. Получившийся раствор осторожно добавил в каждый из бокалов. В «глазьевском» жидкости начали лениво перемешиваться. В бокале покойницы на дно стали быстро падать неизвестно откуда взявшиеся ярко-синие хлопья.

— Железный купорос! — потряс баночкой с зеленоватым порошком Тоннер. — Идеальная «ищейка» синильной кислоты! Что ж, господин исправник, ваши надежды на банальный угар выпали в осадок!

— Шарлатанство, понимаешь, алхимия! — Киросиров и не думал сдаваться. — Никакой суд, как говорится, не поверит!

— В высочайше утвержденном в этом году «Наставлении, как врачи должны поступать при исследовании мертвых тел», — тоном профессора за кафедрой начал вещать Тоннер, — также рекомендуется в подобных случаях провести испытания с селитроокислой медью. В этом случае цвет осадка получится темно-бурым. Возможен эксперимент с серноокислым цинком — окраска будет белой. Если купорос не убедил, что ж, извольте смотреть далее.

Денис Угаров обернулся: не улетели ли вверенные ему бумаги? И обнаружил на столе рядом с покойной старую ворону. Она обнаружила вскрытый желудок и с упоением его клевала. Возмущенный святотатством, Угаров громко хлопнул в ладоши. Все обернулись, он кивком указал на птицу. Ворона

не улетела, только подняла голову и внимательно посмотрела на Дениса. Мол, чего шумишь? Угаров нагнулся за камнем, но в эту секунду ворона неожиданно завалилась набок и стала судорожно хватать клювом воздух. Потом дернулась несколько раз, и через несколько мгновений количество покойниц на столе удвоилось.

— Еще доказательств желаете-с? — ехидно спросил исправника Тоннер. Тот помотал головой. — Тогда я зашью усопшей брюхо и закончу диктовать протокол.

— А вот и генерал, — обратил внимание собравшихся Терлецкий, указав на пожилого военного, который шел к ним от усадьбы.

— Судя по его лицу, — кинул взгляд на генерала Тоннер, — хороших новостей он не привез.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Днем ранее...

— Доброе утро!

Дремавший смотритель востепенел и тут же широко зевнул, продемонстрировав редкие желтые зубы:

— Доброе, доброе! Раненько прибыли, семи еще нет. Не изволите ли подорожную-с? И в пачпорт дозвольте глянуть.

Доктор Тоннер подал документы и, пока старик рассматривал их подслеповатыми глазами, оглядел станцию, ничем не отличавшуюся от тысяч таких же, раскиданных по необъятной стране: разделенная русской печкой изба, в рабочей половине — конторка смотрителя да лавки для проезжающих.

— Хорошо, что по казенной надобности, — тщательно записывая сведения в грессбух, сказал смотритель и кивнул на лавку, где дремали двое мужчин. — Поперед их отправитесь. Это ж надо! На казенных лошадях по пустому делу едут!

— По какому делу? — переспросил доктор.

— Вон тот худой, — старик указал на одного из сидевших, — иностранец. Из самой Америки до моей станции добрался. Дел, что ли, у него дома нет?

— Купец? — предположил Илья Андреевич.

— Кабы купец! Нас приехал изучать! А зачем, спрашивается? Что мы, турки какие? — Словоохотливый старичок привстал с места. — Он сам как турка. Русского не знает, нанял в Смоленске толмача. Вот оба и дрыхнут. Так-с! Документы ваши готовы-с.

Смотритель вернул Тоннеру подорожную и паспорт.

— Могу ехать? — осведомился доктор.

— Можете, только не на чем. Подменных лошадей нету-с. Ваши отдохнут, и поедете.

Илья Андреевич вздохнул. Делать нечего, придется ждать.

— Прикажете-ка еды подать, любезнейший, — попросил он. Последний раз ему удалось перекусить восемнадцать часов назад, и взбунтовавшийся желудок напоминал о себе громким бурлением.

Смотритель закричал:

— Марфа! Барин кушать просит!

Из-за печки с хозяйской половины раздался старушечий голос:

— Чаво кричишь? Напугал, окаянный. Не готовила еще! Чаю плесни.